

Павел Бажов

Далевое глядельце

Знаменитых горщиков по нашим местам немало бывало. Случались и такие, что по-настоящему ученые люди, академики их профессорами величали и не в шутку дивились, как они тонко горы узнали, даром что неграмотные.

Дело, понятно, не простое, - не ягоду с куста сорвать. Не зря одного такого прозвали Тяжелой Котомкой. Немало он всякого камня на своей спине перетаскал. А сколько было похищено, сколь породы перекайлено да переворочено, - это и сосчитать нельзя.

Только и то сказать, этот горщик - Тяжелая-то Котомка, - не из первых был. Сам у кого-то учился, кто-то его натолкнул и на дорогу поставил. В Мурзинке будто эта зацепка случилась.

По нынешним временам про Мурзинку мало слышно, а раньше не так было. Слободой она считалась. От нее и другие селенья пошли, а сама она, сказывают, в Ермакову пору обосновалась, - вроде крепости по тем временам. Не раз ее сжигали да разоряли. Да ведь русский корень! Разве его кто вырвать может, коли он за землю ухватился. Мало того, что отстроится слобода, а еще во все стороны деревни выдвинет, вроде, сказать, заслонов.

Другая отличка Мурзинской слободы в том, что около нее нашли первое в нашем государстве цветное камень. Нашел-то камни Тумашев, в государеву казну представил и награду получил. Так по письменности значится, а на деле, может, кто из слободских Тумашеву место показал. Ну, это дело давнее, никому толком не ведомо, одно ясно, что с Мурзинки у нас и началась охота за веселыми галечками, - каменное горе али каменная радость. Это уж кому как любо называй. Ремесло-то это поисковое совсем особое. Конечно, каждый норовит на камешках кусок хлеба заработать. Только есть меж поисковиков и такие, что ни за какие деньги не отдадут камешок, который им полюбится. Вроде и ни к чему им, а до смерти хранят.

- С ним, - говорят, - жить веселее.

Ну, а корысти тут и вовсе без числа. Потому около камешков в одночасье человек разбогатеет может. Таких скоробогатиков и набралось порядком в самой Мурзинке и по деревням, близ коих добыча велась. На перекупке больше наживались. Главное тут было угадать в сыром камне его настоящую цену.

Горщик, которого потом Тяжелой Котомкой прозвали, в те годы парнишкой был. Родом он то ли из Колташей, то ли из Черемисской, неподалеку от Мурзинки. Рос в сиротстве со своей бабушкой. Старушка старательная, без дела не сидела, только ведь старушечьим ремеслом - пряжей да вязаньем - не больно прокормишься. Парнишке и пришлось с малых лет кусок добывать. По сиротскому положению, ясное дело, не приходится работу выбирать: что случится, то и делал. Подпаском бывал, у богатых мужиков в работниках жил, на поденные работы хаживал. И звали его в ту пору Трошей Легоньким.

Раз Троша попал на каменные работы в горе, и оказалось, что парнишка на редкость приметливый на породу. Увидит где пласты и говорит: "А я этакое же видал в том-то месте". Проверят - правильно. И в сыром камне живо наловчился разбираться. Через малое число годов старые старатели стали спрашивать:

- Погляди, Троша, камешок. Сколько, по-твоему, он стоит?

Так этот Троша Легонький и прижился в артели по каменному делу, только в Мурзинке ему ни разу бывать не приходилось. А там тоже приметили Трошу. Приметил самоглавный тамошний богатей. Он, видишь, больше всех на перекупке раздулся, а остарел, плохо видеть стал - оплошка в покупке дошла. Он и придумал:

- Возьму-ка я этого Легонького к себе в дом да для верности женю на Аниске, а то вовсе изболталась девка, сладу с ней нет.

Дочь-то у него, и верно, полудурье была, да и не вовсе. В порядке себя держала. Ни один добрый

парень из своих мурзинских никогда бы на такой не женился. Вот и стали подманивать со стороны. У богатых, известно, пособников всегда много. Эти поддужные и давай напевать Троше про невесту:

- Краля писаная! С одного боку тепло, с другого того лучше. Характеру веселого, и одна разъедная дочь... По времени полным хозяином станешь. А ведь дом-то какой? По всей округе на славе!

Бабушке трошиной, видно, надоело всю жизнь в бедности колотиться, она и поддакнула:

- Коли люди с добром, почему нам отворачиваться?

У Троши по этой части настоящей думки не было, он и говорит:

- Раз пришла пора жениться, надо невест глядеть.

Поддужные радехоньки, что парень этак легонько на приманку пошел, поторапливают:

- Тогда и тянуть с этим нечего. В воскресенье приезжай с бабушкой. Смотрины устроим, как полагается. Об одежде да справе не беспокой себя. Там знают, что из сиротского положения ты. Взыску не будет.

Уговорились так-то. Сказали Троше, в котором доме ему сперва остановиться надо, и уехали. Как пришло воскресенье, Троша оделся почище да утречком пораньше и пошел в Мурзинку, а бабушка отказалась:

- Еще испугаются меня, старухи, и тебе доли не будет! В самоцветах разбирать научился, неуж невесту не разглядишь?

Трошу в те годы не зря Легоньким звали. Он живо дошагал до Мурзинки. Нашел там дом, в котором ему остановиться велели. Там, конечно, приветили, чайком попоили и говорят:

- Отдохни покамест, потому смотрины вечером будут. Парень про то не подумал, что тут какая уловка есть, а только отдохнуть ему не захотелось. "Пойду, - думает,- погляжу Мурзинку".

Камешки тогда по многим деревням добывали. В Южаковой там, в Сизиковой, по всей речке Амбарке, а все-таки Мурзинка заглавное место была. Тут и самые большие каменные богатеи жили и старателей много считалось.

В числе прочих старателей был Яша Кочеток. Груздок, как говорится, из маленьких, а ядреный, глядел весело, говорил бойко и при случае постоять за себя мог. От выпивки тоже не чурался. Прямо сказать, этим боком хоть и не поворачивай, не тем будь помянут покойна головушка. В одном у него строгая мера была: ни пьяный, ни трезвый своего заветного из рук не выпустит. А повадку имел такую: все камешки, какие добудет, на три доли делил: едовую, гулевую и душевную. В душевную, конечно, самая малость попадала, зато камень редкостный. Деньги, которые за едовую долю получал, все до копейки жене отдавал и больше в них не вязался: "Хозяйствуй, как умеешь!" Гулевые деньги себе забирал, а душевную долю никому не продавал и показывать не любил.

- Душа - не рубаха, что ее выворачивать! Под худой глаз попадет, так еще пятно останется, а мне охота ее в чистоте держать. Да и по делу это требуется.

Начнут спрашивать, какое такое дело, а он в отворот:

- Душевное дело - каменному родня. Тоже в крепком занорыше сидит. К нему подобраться не столь просто, как табаку на трубочку попросить.

Одним словом, чудаковатый мужичок.

Про него Троша дома слышал, и про то ему было ведомо, что в Мурзинке чуть не через дом старатели жили. Троша и залюбопытствовал: не удастся ли с кем поговорить, как у них тут с камешками, не нашли ли чего новенького. Троша и пошел разгуляться, людей поглядеть, себя показать. Видит, в одном месте на бревнах народу многонько сидит, о чем-то разговаривают. Он и подошел послушать.

Как раз оказались старатели и разговаривали о своем деле. Жаловались больше, что время скупое подошло: на Ватихе давно доброго занорыша не находили, на Тальяне да и по другим ямам тоже большой удачи не было. Разговор не бойко шел. Все к тому клонился - выпить бы по случаю праздника, да денег нет.

Тут видит Троша: подходит еще какой-то новый человек. Один из старателей и говорит:

- Вон Яша Кочеток идет. Поднести, поди, не поднесет, а всех расшевелит да еще спор заведет.

- Без того не обойдется, - поддакнул другой, а сам навстречу Якову давай наговаривать: - Как, Яков Кирьяныч, живешь-поживаешь со вчерашнего дня? Что по хозяйству? Не окривел ли петушок, здорова ли кошечка? Как сам спал-почивал, какой легкий сон видел?

- Да ничего, - отвечает, - все по-хорошему. Петух заказывал тебе по-соседски поклончик, а кошка жалуется: больно много сосед мышей развел - справиться сил нет. А сон, и точно, занятный видел. Будто в Сизиковой бог по дворам с казной ходил, всех уговаривал: "Берите, мужики, кому сколько надо. Без отдачи! Лучше, поди-ка, это, чем полтинничные аметистишки по одному из горы выковыривать".

- Ну и что? - засмеялись старатели.

- Отказались мужики. "Что ты, - говорят, - боже, куда это гоже, чтоб незаробляемое брать! Непривычны мы к этому". Так и не сошлось у них.

- Ты скажешь!

- Сказать просто, коли язык не присох. Тут который сперва-то с Кочетком заговорил, -он, видно, маленько в обиде за петуший поклон оказался, - он и ввернул словцо в задор:

- И понять не хитро, что у тебя всегда одно пустобайство.

Кочеток к этому и привязался:

- По себе, видно, судишь! Неуж все на даровщину польстятся? За кого ты людей считаешь? К барышникам приравнял! Совесть-то, поди, не у всякого застыла.

Другие старатели ввязались, и пошло-поехало, спор поднялся, потому - дело близкое. Бог хоть ни к кому с казной не придет, а богатый камешок под руку попасть может. Стали перебирать богатеев, кто от какого случая разъелся. Выходило, что у всех не без фальши богатство пришло: кто от артели утаил, кто чужое захватил, а больше того на перекупке нажился. Купит за пятерку, а продаст за сотню, а то и за тысячу. Эти каменные барышники тошней всего приходились старателям. И про то посудачили, есть ли кому позавидовать из богатеев. Тоже вышло - некому. У одного сын дурак-дураком вырос, у другого бабенка на стороне поигрывает, того и гляди усоборует своего мужика и сама каторги не минует, потому дело явное и давно на примете. Этот опять с перепоем опух, на человека не походит. Про невесту хваленую Троша такого наслушался, что хоть уши затыкай. Потом, как за ним прибежали: пора, дескать, на смотрины итти, - он отмахнулся:

- Не пойду! Пускай свой самоцвет кому другому сбывает, а мне с любой придачей не надо!

Поспорили этак старатели, посудачили, к тому пришли: нет копейки надежнее той, коя потом полита. Кабы только этих копеек побольше да без барышников! Известно, трудовики по трудовому и вывели. Меж тем темненько уж стало. Спор давно на мирную беседу повернул. Один Кочеток не унимается.

- Это, - кричит, - разговор один! А помани кого боговой казной либо камешком в тысчонку-две ростом, всяк руки протянет!

- Ты откажешься? Сам, небось, заветное хранишь, продешевить боишься!

Кочеток от этого слова весь задор потерял и говорит совсем по- другому:

- Насчет моего заветного ты напрасное слово молвил. Берегу не для корысти, а для душевной радости. Поглядишь на эту красоту - и ровно весной запахнет. А что правда, то правда: подвернись случай с богатым камешком - не откажусь. Крышу вон мне давно перекрыть надо, ребятишки

разуты-раздеты. Да мало ли забот!

Другой старатель подхватил:

- А я бы лошадку завел. Гнеденькую! Как у Самохина. Пускай не задается!

- Мне баню поставить - первое дело, - отозвался еще один.

За ним остальные про свое сказали. Оказалось, у каждого думка к большому фарту припасена.

Кочеток на это и говорит:

- Вот видите: у каждого своя корысть есть. Это- и мешает нам найти дорогу к далевому глядельцу.

Старатели на это руками замахали и один по одному расходиться стали, а сами ворчат:

- Заладила сорока Якова одно про всякого! Далось ему это далевое глядельце!

- Слыхали мы эту стариковскую побаску, да ни к чему она!

- Что ее, гору-то, насквозь проглядывать! Тамошнего богатства все едино себе не заберешь. Только себя растрaviшь!

- Куда нам на даля глядеть! Хоть бы под ногами видеть, чтоб нос не разбить.

Разошлись все. Пошел и Кочеток домой, а Троша с ним рядом. Дорогой Яша спрашивает у парня:

чей да откуда, каким случаем в Мурзинку попал, какие камешки находить случалось, по каким местам да приметам. Троша все отвечает толково и без утайки, потом и сам спрашивает:

- Дядя Яков, о каком ты далевом глядельце поминал и почему это старателям не любо показалось?

Яков видит: парень молодой, к камешкам приверженность имеет и спрашивает не для пустого разговору, доверился ему и рассказал:

- Сказывали наши старики, что в здешних горах глядельце есть. Там все пласты горы сходятся. А далевым оно потому зовется, что каждый пласт, будь то железная руда али золото, уголь али медь, дикарь-камень али дорогой самоцвет, насквозь видно. Все спуски, подъемы, все выходы и веточки заприметить можно на многие версты. Глядельце это не снаружи, а в самой горе. Добраться до него человеку нельзя, а видеть можно.

- Как так?

- А через терпеливый камешок.

- Это еще какой? - спрашивает Троша

- Тут, видишь, штука какая, - объясняет Кочеток, - глядельце открывается только тому, кто себе выгоды не ждет, а хочет посмотреть красоту горы и народу сказать, что где полезное лежит. А как узнаешь, что человек о своем не думает? Вот и положено испытание: найдешь камешок, который тебе больше других приглянется, и храни его. Не продавай, не меняй и даже в мыслях не прикидывай, сколько за него получить можно. Через такой камешок и увидишь далевое глядельце. Как к глазу тебе его поднесут. Не сразу, понятно, такой камешок тебе в руки придет. Не один, может, десяток накопить придется, Терпенье тут требуется. Потому камень и зовется терпеливым. А какой он, этот камешок, цветом - голубой ли, зеленый, малиновый ли красный - это неведомо. Одно помнить надо, чтоб его какой своей корыстью не замутишь.

- Почему старателям не любо слышать разговор об этом? По моему понятию, тут вот что выходит: трудовому человеку, ежели он не хитник, не барышник, охота, поди, поглядеть на красоту горы, а всяк лезет в яму с какой-нибудь своей думкой. Слышал вон разговор: кому лошадь нужна, кому баня, кого другая нужда одолевает. Ну, и досадуют, что им даже думка о далевом глядельце заказана.

Тут Кочеток вовсе доверился парню и рассказал:

- У меня вон есть терпеливые камешки, да не действуют. Замутил, видно, их своими заботами о том, о другом. Ты парень молодой и камешкам приверженный, вот и запомни этот разговор.

Может, тебе и посчастливит - увидишь далевое глядельце.

- Ладно, - отвечает, - не забуду твои слова.

В этих разговорах они подошли к кочетковой избушке. Троша тогда и попросил:

- Нельзя ли, дядя Яков, у тебя переночевать? Больно мне неохота к этим богатеевым хвостам ворочаться, а итти домой в потемках несподручно.

- Что ж, - говорит Яков, - время летнее, в сенцах места хватит, а помягче хочешь, ступай на сеновал. Сена хоть и нелишка, а все-таки есть.

Так и остался Троша у Кочетка ночевать. Забрался он на сеновал, а уснуть не может. День-то у него беспокойный выдался. Растревожило парня, что чуть оплошку не сделал с хваленой-то невестой. Ну, и этот разговор с Кочетком сильно задел. Так и проворочался до свету. Хотел уж домой пойти, да подумал: "Нехорошо выйдет, надо подождать, как хозяева проснутся". Стал поджидать, да и уснул крепко-накрепко. Пробудился близко к полудню. Спустился с сеновала, а во двор заходит девчонка с ведрами. Ростом невеличка, а ладная. Ведра полнехоньки, а несет не сплеснет. Привычна, видать, и силу имеет. Троше тут поворот судьбы и обозначился. Это ведь и самый добрый лекарь не скажет, отчего такое бывает: поглядит парень на девушку, она на него взглянет, и оба покой потеряют. Только о том и думают, как бы еще ненароком встретиться, друг на дружку поглядеть, словом перемолвиться, и оба краснеют, так что всякому видно, кто о ком думает.

Это вот самое тут и случилось: приглянулась Троите Легонькому кочеткова дочь Доня, а он ей ясным соколом на сердце пал.

Такое дело, конечно, не сразу делается. Троша и придумал заделье, стал спрашивать у девчонки, в каком месте отец старается. Та обсказала все честь-честью. Троша и пошел будто поглядеть.

Нашел по приметам яму, где Кочеток старался, и объяснил, зачем он пришел, и сам за каелку взялся. Потом как зашабашили, спрашивает у артельщиков, нельзя ли ему тут остаться на работах. Артельщики сразу приметили, что парень старательный и сноровку по каменной работе имеет, говорят:

- Милости просим, коли уговор наш тебе подойдет, - и рассказали, с каким уговором они принимают в артель.

Парень, понятно, согласился и стал работать в этой артели, а по субботам уходил в Мурзинку вместе с Кочетком. У него как постой имел. Сколько там прошло, не знаю, а кончилось свадьбой. Гладенько у них это сладилось. Как свататься Троша стал, Кочеток с женой в одно слово сказали, что лучше такого жениха для своей Донушки не ждали. И вся артель попирировала на свадьбе. К тому времени как раз яма их позабавила: нашли хороший занорыщ, и у всех на гулевые маленько осталось.

Трошина бабушка уж в обиде была, что внучек с богатой женой забыл старуху. Хотела сама в Мурзинку итти, а Троша и объявился с молодой женой, только не с той, за которой пошел.

Рассказал бабушке про свою оплошку с богатой невестой, а старуха посмеивается.

- Вижу, - говорит, - что и эта не бесприданница. Жемчугов полон рот, шелку до пояса и глазок веселый, а это всего дороже. В семейном положении главная хитрость в том, чтобы головы не вешать, коли тебя стукнет.

С той поры много годов прошло. Стал Троша Легонький знаменитым горщиком, и звали его уж по-другому - Тяжелой Котомкой. Немало он новых мест открыл. Работал честно, не хитничал, не барышничал. Терпеливых камешков целый мешок накопил, а далевого глядельца так увидеть ему и не пришлось.

Бывало, жаловался на свою неудачу Донушке, а та не привыкла унывать, говорит:

- Ну, ты не увидел, - может, внуки наши увидят.

Теперь Трофим Тяжелая Котомка - глубокий старик. Давно по своему делу не работает, глазами ослабел, а как услышит, что новое в наших горах открыли, всегда дивится:

- Сколь ходко ныне горное дело пошло!

Его внук, горный инженер, объясняет:

- Наука теперь, дедушка, не та, и, главное, ищем по-другому. Раньше каждый искал, что ему надо, а ныне смотрят, что где лежит и на что понадобится может. Видишь, вон на карте раскраска разная. Это глина для кирпичного завода, тут- руда для домны, здесь- место для золотого запаса, тут - уголек хороший для паровозных топок, а это твоя жила, которую на Адуе открыл, вынырнула. Дорогое место!

Старик смотрит на карту и кивает головой: так, так. Потом, хитренько улыбнувшись, спрашивает шопотом:

- Скажи по совести: далевое глядельце нашли? В каком месте?

Внук тоже улыбается:

- Эх, дед, не понимаешь ты этого. Тридцатый уж год пошел, как твое далевое глядельце открыто всякому, кто смотрит не через свои очки. Зоркому глазу через это глядельце не то что горы, а будущие годы видно.

- Вот-вот, - соглашается старик. - Правильно мне покойный тестюшка Яков Кирьяныч сказывал: в дадевом глядельце главная сила.